

МЫ, ЯПОНЦЫ, благоговейно молимся об упокоении ваших душ и питаем надежду пользоваться в будущем всеми благами мира». Не правда ли, похоже на эпитафию, высеченную на граните обелиска в память борцов за мир? Но не спеши с выводом, читатель! Эти слова обращены к злейшим врагам мира, свободы и независимости народов, к тем, кто бесславно окончил свою жизнь, осужденный на смерть как военный преступник. А произнес эти слова Итиро Киёсэ.

Юрист по образованию, прожитый политикан по профессии (начиная с 1920 года он 14 раз избирался депутатом нижней палаты парламента), Итиро Киёсэ был среди тех, кто разрабатывал агрессивные программы японских империалистов в канун и в годы второй мировой войны. Достаточно сказать, что он являлся деятельным участником так называемого общества по исследованию государственной политики, которое по поручению правительства составляло планы захвата соседних стран, в частности Советского Приморья и Забайкалья. Итиро Киёсэ подвизался там с такими видными представителями правящей клики тогдашней Японии, как Того, Кайя, Муто и Сато, занявшими впоследствии места на скамье подсудимых на Токийском процессе.

Имя Киёсэ тоже фигурировало на процессе. Он был его участником, но не подсудимым (что, пожалуй, было бы более логично). Киёсэ выступал адвокатом Тодзио — военного преступника номер один, одновременно возглавляя японскую часть защиты.

В рвении обелить своих подзащитных и представить их в образе мирных овецек Киёсэ походил на персонаж из анекдота, который старался быть более католиком, чем сам папа. Вот один из примеров. 24 февраля 1947 года он должен был произнести вступительную речь от имени всех подсудимых. Однако Киёсэ столь откровенно восхвалял в ней фашистские взгляды своих подзащитных, столь цинично пытался обелить совершенные ими преступления, что подсудимые Хирота, Хиранума, Сигэмицу, Доихара и Судзуки, ознакомившись с речью накануне ее оглашения, отмежевались от нее полностью, а подсудимый Осима — частично. Пусть они сделали это по тактическим соображениям, но сама речь Киёсэ, своей откровенной апологетикой смутившая даже подсудимых, достаточно красноречиво рисует политический облик ее составителя.

Таков был Итиро Киёсэ. Впрочем, почему был? Он продолжает оставаться таковым и поныне — этот престарелый адвокат японского милитаризма (в 1968 году ему исполнилось 84 года). Два десятилетия, прошедшие со дня окончания Токийского процесса, не изменили Киёсэ. Свидетельство тому — его книга воспоминаний об этом процессе, выпущенная в свет издательством газеты «Йомиури»¹. И слова, приведенные в начале, взяты нами из его книги.

Назвав ее «Частные записки», Итиро Киёсэ в послесловии к ней деланно удивляется: вот, дескать, никак не ожидал, что мои воспоминания — человека, слывущего в нынешние времена махровым редактором, — могут представлять интерес. Но это жеманное кокетство никого не введет в заблуждение. Спрос рождает предложение, и автор книги это отлично понимает.

В последнее время все более отчетливо проявляется курс японского правящего лагеря на широкую реимилитаризацию страны и эскалацию участия Японии в **военно-стратегической системе США на Даль-**

нем Востоке. Но осуществлять такие планы, идущие вразрез с подлинно национальными интересами страны и находящиеся в явном противоречии с требованиями и настроениями большинства народа, ныне не так-то просто. Не тот уже народ Японии, не та уже расстановка политических сил в стране. И именно поэтому правящие классы придадут огромное значение идеологической обработке населения. Один из ее ведущих мотивов — попытка политической реабилитации минувшей «восточноазиатской войны» и ее преступных зачинщиков, попытка внушить японскому народу, что эта война была актом «самообороны», что она велась во имя «освобождения цветной расы», во имя «стабилизации мира и порядка в Восточной Азии».

«Требование стабилизации Восточной Азии, — развязно утверждает Киёсэ, — не было агрессивным. С одной стороны, стабилизация Восточной Азии уничтожила в ней политический и экономический хаос, а с другой, — вела к совместному развитию азиатских народов и тем активно способствовала прогрессу всего человечества» (стр. 104). Но было бы ошибочно полагать, что в наше время подобное утверждение — плод старческого маразма. В своей книге Киёсэ сознательно отбирает и преподносит в соответствующей упаковке именно те проблемы, акцентируя на них внимание читателей, которые и ныне — пусть в модифицированном виде — продолжают оставаться в фокусе внимания международной, прежде всего американской и японской, реакции. К числу таких проблем относится и забота неокolonизаторов о «стабилизации Азии».

Японские империалисты издавна выражали свои притязания на «особую роль» и «особую ответственность» Японии в Азии. В последнее время эти притязания стали все настойчивее и беззастенчивей, а в коммюнике о переговорах, состоявшихся в ноябре 1967 года между президентом США Джонсоном и премьер-министром Японии Сато, прямо отмечалось, что Япония намерена нести «максимальную ответственность» в интересах «достижения социальной и экономической стабилизации в Азии».

Нетрудно понять, что разговоры об «экономической и социальной стабилизации» призваны маскировать широкие планы неокolonизаторов в Азии. В одних случаях они пытаются их осуществить путем прямой агрессии, как это делают США и их сателлиты во Вьетнаме, в других — путем экономического и политического закабаления азиатских народов, укрепления существующих и насаждения новых марионеточных режимов. Экскурсы же Киёсэ в область прошлого предназначены в числе других средств идеологического воздействия отстоять версию об «исторически» сложившейся «особой миссии» Японии в Азии, способствовать устраниению сохранившегося со времени второй мировой войны законного недоверия азиатских народов к политике Японии.

Этой же цели подчинены и попытки Киёсэ опровергнуть на страницах своей книги зловещий смысл

¹ Киёсэ Итиро. Частные записки. Токийский процесс, Токио, 1967.

АДВОКАТ МИЛИТАРИЗМА

С. БУДКЕВИЧ

Кандидат исторических наук

«философских» доктрин японского империализма — «хакко итиу» (буквально «все семь углов под одной крышей») и «кодо» (императорский путь). «Хакко итиу» выражает идею мира, рассматривая все человечество как одну семью, — елебно разъясняет Киёсэ. — «Хакко итиу» означает, что люди всего мира живут в согласии, как члены одной семьи. Это был идеал Дзимму тэнно» (стр. 78—79).

Тщетная попытка, господин Киёсэ, опереться на «авторитет» мифического основателя Японии — императора Дзимму. Каково бы ни было «историческое» происхождение этих концепций, но никуда не уйти от того, что именно они служили идеологическим обоснованием политики агрессии и захватов. Это через их посредство, как установил обвинительный акт, «сознание японского народа систематически отравлялось вредными теориями так называемого расового превосходства японцев над народами Азии и даже всего мира».

На страницах своей книги Киёсэ воспроизводит и часть завещания Тодзио, написанного им, по словам Киёсэ, незадолго до казни. Удивляться этому не приходится. Проникнутое духом махрового антикоммунизма, оно полностью совпадает не только с идеологией автора воспоминаний, но и с теми целями, которые он ставил, публикуя их. Что же привлекло внимание Киёсэ в этом «документе»? Тодзио приходит в ужас от того, что «едва прошло три года после окончания войны» (Тодзио был казнен в декабре 1948 года), а «азиатский континент становится красным». В связи с этим он упрекает США, что они «разбили Японию — стену, преграждавшую распространение красной опасности». Он расценивает как «самую страшную опасность», если «бациллы коммунизма» проникнут и в Японию.

Пытался Тодзио дать и прогнозы на будущее. «Исключить войну из жизни общества невозможно... поэтому невозможно избежать и третьей мировой войны», — утверждая это, Тодзио — один из главных виновников гибели миллионов людей — «программирует» перевооружение Японии и участие ее в новой войне. Какой? И это предусмотрел матерый милитарист: на стороне США, против Советского Союза и других социалистических стран, в войне, которую он считает неизбежной в виду «различия идеологий» (стр. 195—203).

Киёсэ сетует, что Пентагон, где, по его словам, хранится подлинник завещания Тодзио, никак не собирается вернуть его Японии. Но надежды он не теряет. «Если внимательно вчитаться в строки завещания, — пишет Киёсэ, — то нельзя не предположить, что у США сейчас нет оснований не вернуть его Японии. Если оно было бы опубликовано, то вне зависимости от времени и способа это что-нибудь, возможно, и дало бы» (стр. 203).

Что ж, надежды Киёсэ не лишены оснований. Теперь, когда правящие круги Японии все крепче связывают себя с опасной для всеобщего мира агрессивной политикой США в Юго-Восточной Азии,

Пентагон, должно быть, сочтет полезным использовать и завещание мракобеса Тодзио.

«Частные записки» Итиро Киёсэ имеют и еще одну направленность: они пытаются извратить историческую роль Токийского процесса и дать своего рода индульгенцию современным военным преступникам и их возможным последователям в будущем. Приговор Международного военного трибунала, да и весь Токийский процесс, Киёсэ квалифицирует как месть победителей, а самих подсудимых именует «жертвами судебного произвола». Аргументы? Киёсэ их черпает в собственных выступлениях на процессе, которые весьма щедро воспроизводит на страницах книги. А эти выступления, или, точнее, попытки сорвать процесс, начались вскоре после первого же заседания трибунала. Так, 13 мая 1946 года (процесс начался 3 мая) Киёсэ сделал попытку оспорить правомочность Международного военного трибунала судить главных японских преступников. Он утверждал, что союзные державы не имеют права включать в его устав преступления против мира и делать их уголовно наказуемыми; что агрессивная война сама по себе не является незаконной и преступной; что война — это акт государства, а за такие акты в международном праве не существует индивидуальной ответственности.

Трибунал отверг тогда притязания Киёсэ, но знаменательно, что Киёсэ и ныне считает мотивы, по которым его протест был отклонен, несостоятельными, — ныне, когда в конституции его собственной страны имеется статья, отвергающая войну в качестве орудия внешней политики.

Историческое значение Токийского процесса, как и предшествовавшего ему Нюрнбергского, трудно переоценить. Эти процессы подтвердили, что ответственность за развязывание агрессивных войн, за военные преступления и преступления против человечности становится одним из важнейших принципов современного международного права. Приговоры, вынесенные обоими трибуналами, приведение их в исполнение — не только суровое и справедливое возмездие, но и грозное предостережение для всех зачинщиков новых агрессивных войн.

Но Киёсэ не согласен и с этим. Отстаивая ненаказуемость виновных в преступлениях против мира и человечности, он расценивает Токийский процесс как «опасный прецедент» на будущее. Киёсэ осуждает правительство ДРВ, создавшее государственную комиссию по расследованию военных преступлений американских империалистов во Вьетнаме. «Вспоминная о содеянном 20 лет назад, кое-кто из Объединенных Наций теперь, несомненно, раскаивается!» — восклицает он (стр. 44—45).

Что же, господин Киёсэ, возможно, и прав. Но суть дела от этого не меняется. Кто бы ни повторил злодеяния германских фашистов и японских милитаристов, ему не уйти от суда народов. Ничто не отведет от него карающей руки правосудия. Даже самая изощренная «защита» такого неугомонного адвоката милитаризма, как Итиро Киёсэ.